

The illustration is a high-contrast, graphic composition. A large, vibrant red shape, resembling a stylized bird or a wing, dominates the center. It is set against a background of black and white splatters and textures. A large, black, stylized bird-like figure is superimposed on the red shape. The overall style is reminiscent of mid-century modern graphic design.

100^я
СКАЗКА

Евгений
КЛЮЕВ

ОТ МЫЛЬНОГО
ПУЗЫРЯ
ДО ФАНТИКА

Художник
Валерий Калныш

Евгений Васильевич Ключев
От мыльного пузыря
до фантика (сборник)
Серия «Сто и одна сказка», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
От мыльного пузыря до фантика: Время; Москва; 2018
ISBN 978-5-9691-0967-4

Аннотация

Этот самый большой на сегодняшний день сборник сказок Евгения Ключева, главного российского сказочника из Копенгагена, полон смеющихся и плачущих, мечтающих и ошибающихся, философствующих и дурящих предметов повседневной действительности. У каждого из них есть сердце, и этим они напоминают нас: они живые, и их можно осчастливить и окрылить, но так же легко – обидеть или обмануть.

Ребенок, прочитавший сказки Евгения Ключева, на мгновение станет взрослым.

А взрослый непременно захочет навеститься в детство и посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь важного, чего ему так не хватало потом – когда он научился измерять расстояние от Земли до Луны, но забыл, как измеряют расстояние от мыльного пузыря до фантика, от клубка до праздничного марша и от шнурков до сердечка.

Содержание

Долгая жизнь Мыльного Пузыря	5
Два зонтика	11
Большая Метель	17
Пешеходная Зебра, витавшая в облаках	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Клюев
100 и 1 сказка
От мыльного
пузыря до фантика

© Евгений Клюев, 2011

© Валерий Калныньш, иллюстрации, 2011

© «Время», 2011

* * *

Долгая жизнь Мыльного Пузыря

И нечему тут, между прочим, особенно удивляться: долго жить не запретишь!

Даже мыльному пузырю не запретишь, хоть мыльные пузыри и принято считать самыми хрупкими созданиями на свете. И есть, скажу я вам, в этом своя правда: оболочка мыльных пузырей всё-таки до ужаса просто ненадёжная – малейшая неточность движения и... прости-прощай, глубокоуважаемый мыльный пузырь!

– Прости-прощай, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь! – именно так было сказано Мыльному Пузырю, едва он покинул кончик соломинки, где и посидел-то всего секунду-другую.

– Это, то есть, как – «прости-прощай»? – озадачился Мыльный Пузырь, который только что собрался отправиться в кругосветное путешествие.

– Гм... – был ответ.

После ответа были объяснения – правда, очень туманные:

– Дело в том, что нам, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь, лучше всего проститься с Вами заранее... м-да, на всякий случай. А то как бы потом поздно не оказалось.

– Но мы же ещё не здоровались! – некстати вспомнил Мыльный Пузырь. – Не рано ли нам прощаться?

– Здраваться иногда бывает бессмысленно, – загадочно ответили ему. – С вами, пузырями мыльными, только начнёшь здраваться – глядишь, вас и нету уже!

– Это куда ж мы, пузыри мыльные, деваемся-то? – озабочился Мыльный Пузырь.

– Да взрываетесь вы... – сконфуженно объяснили ему.

– Ну, не скажите! – не выдержал Мыльный Пузырь. – Пока Вы тут мне всё это рассказывали, мы уже десять раз могли бы поздороваться. Я и до сих пор, кстати говоря... целёхонек – и взрываться не собираюсь!

– Все мыльные пузыри взрываются, – мягко заметили в ответ. – Это только вопрос времени. Грустно, конечно, да что поделаешь! Такой уж вы народ...

– Станный мы народ... – сказал Мыльный Пузырь и поплыл над городом.

– Вы напрасно плывёте над городом! – крикнули ему вслед и предупредили: – Любая секунда может стать для Вас после-е-едне-е-ей...

Мыльный Пузырь не стал ничего кричать в ответ, но подумал, что не только для него, но и вообще для каждого любая секунда может стать последней, – и совсем неважно, кто ты при этом: мыльный пузырь или... допустим, воон тот кот, оч-чень неосторожно в данный момент переходящий дорогу.

Мыльный Пузырь плыл над городом и смотрел по сторонам. Внезапно он увидел огромную вывеску и прочитал на ней по слогам:

ОБУЧАЕМ ИГРЕ В ГОЛЬФ

Тут-то Мыльный Пузырь и понял: единственное, чего ему недостаёт в жизни, – это гольф.

– Здравствуйте! – влетел он прямо под вывеску. – Я больше всего на свете хотел бы научиться играть в гольф!

– Обучение занимает шесть месяцев, – улыбнулись в ответ. Потом помолчали и добавили: – А шесть месяцев – это полгода. – И совсем неожиданно закончили: – А Вы – мыльный пузырь.

– Вы, стало быть, мыльных пузырей не принимаете? – уточнил он.

– Ни один мыльный пузырь не живёт полгода, – объяснили ему. – Мыльный пузырь живёт лишь несколько минут – и то в лучшем случае. Вам жить считанные секунды осталось, Вы это понимаете?

– Понимаю, – сказал Мыльный Пузырь. – А я не могу прожить эти считанные секунды, обучаясь игре в гольф?

Ему ответили с возмущением:

– Гольф, высокоуважаемый Мыльный Пузырь, – серьёзная игра. Ей за считанные секунды не обучишься.

– Тогда простите и извините меня, – вежливо сказал Мыльный Пузырь и полетел дальше.

Яркий плакат с флагом приглашал посетить Америку.

Мыльный Пузырь немедленно решил принять приглашение – и на немыслимой скорости влетел в туристическое агентство.

– Один билет в Америку, – быстро сказал он.

На него посмотрели с интересом.

– Полёт занимает одиннадцать часов, глубокоуважаемый Мыльный Пузырь! А в Вашем распоряжении – только...

– ...несколько минут в лучшем случае, – отчитался Мыльный Пузырь и, извинившись, покинул туристическое агентство.

Слева от него играла музыка и кружилась карусель.

Подлетев к билетёру, Мыльный Пузырь осторожно спросил:

– Скажите, пожалуйста, сколько времени занимает одно катание на карусели?

– Одно катание на карусели, – уверенно ответил билетёр, – занимает четыре минуты и пятьдесят две секунды.

– Тогда я успею, – сказал Мыльный Пузырь, и, купив билет, уселся на кончик носа Тигра. Тигр хотел чихнуть, но сдержался.

И вот оно началось – одно катание на карусели. Одно восхитительное катание на карусели... А потом ещё одно. И ещё одно. И ещё...

Если вы сегодня навестите городской парк и подойдёте к карусели, вы обязательно увидите мыльный пузырь на кончике носа у Тигра. Этот мыльный пузырь называют Самым

Старым Мыльным Пузырём в городе.

Конечно, Тигру до сих пор хочется чихнуть, но он сдерживается – и одно восхитительное катание на карусели продолжается, продолжается, продолжается...

Два зонтика

Два зонтика познакомились в липовой аллее. Они шли навстречу друг другу – и прямо-таки обмерли, когда их хозяйка остановилась и заговорила.

– Здравствуйте, – сказал хозяин Чёрного Зонтика голосом низким и мягким. – Какими судьбами в наш район?

– Здравствуйте, – сказала хозяйка Пёстрого Зонтика голосом светлым и лёгким. – Проездом.

Разговор продолжался, но зонтики не слышали его. Да если бы и слышали – разве могут зонтики понимать человеческий язык! А если бы и понимали – разве могут зонтики разобраться в человеческой жизни! Впрочем, зонтикам было не до этого: они смотрели друг на друга.

– Вы так красивы, – хрипло произнёс Чёрный Зонтик, – что у меня даже болят глаза. Как называются Ваши цветы?

– Ромашки, – прошелестел Пёстрый Зонтик.

– Ромашки, – повторил Чёрный. – Никогда не видел таких

цветов у других. А ведь объездил весь мир. Наверное, Вы из какой-нибудь далёкой страны?

– Ах нет! – рассмеялся Пёстрый Зонтик. – И даже не из другого города. А мои ромашки... Посмотрите, какие красивые японские цветы на зонтиках вокруг Вас!

– Что мне до них за дело! А Ваши ромашки напомнили мне детство. Моя деревянная ручка родом из леса. В том лесу был один замечательный лужок. Может быть, на нём росли такие цветы, как Ваши, только я уже точно не помню. Это было давно.

Зонтики даже не замечали, что давно движутся в одном направлении.

– А я, – смущённо сказал вдруг Чёрный Зонтик, – наверное, кажусь Вам таким, как все.

– Ну что Вы! – с поспешностью воскликнул Пёстрый Зонтик и очень смутился от своей поспешности. – Вы совсем не похожи на всех. Вы такой большой и печальный... Наверное, от того, что Вы такой большой, в Вас так много печали.

Чёрный Зонтик усмехнулся:

– Просто я старый. Когда я был молод и у меня были ещё целы все спицы, я, кажется, действительно, выглядел... гм, бравым. Я раскрывался, с таким, знаете ли, треском: крррах! Многие прохожие даже шарахались. А теперь меня трудно раскрыть – и спицы мои скрипят. Ну и потом, я, конечно, изрядно пообносился. Видите ли, меня уже несколько раз латали. И чехол давно потерялся – где-то при переездах. И ручка

вся в царапинах, – Чёрный Зонтик улыбнулся и стал от этого ещё печальней.

– Я люблю Вас, – неожиданно сказал Пёстрый Зонтик. – Вы самый лучший зонтик на свете!

– Я? – оторопел Чёрный Зонтик. – Да Вы только посмотрите, какой роскошный зонт шагает справа от Вас. Он даже весь напрягся и смотрит на Вас – как... как влюблённый!

– Он не влюблённый, – едва скользнув взглядом направо, сказал Пёстрый Зонтик. – Он – самовлюблённый.

– Боже мой! – рассмеялся Чёрный Зонтик. – Вы так молоды и так прекрасны...

Внезапно оба зонтика закрыли и сдали на вешалку. Их хозяйева вошли в кафе. Зонтики оказались совсем рядом – на соседних крючках.

– О чём Вы думаете? – спросил Пёстрый Зонтик, чтобы не молчать.

– Я думаю о том, – тщательно подбирая слова, отвечал Чёрный Зонтик, – что, если бы я был немного моложе, то попросил бы разрешения поцеловать Вас.

В ответ Пёстрый Зонтик прильнул к Чёрному – они поцеловались и улыбнулись друг другу в темноте.

– Скажите, а Вы часто целовали другие зонтики? – спросил вдруг Пёстрый Зонтик.

– К сожалению, часто, – отвечал Чёрный, – но разве это имеет значение?

– Нет, – просто ответил Пёстрый Зонтик.

– Мы будем жить вместе! – Чёрный Зонтик заговорил взволнованным шёпотом. – Я никогда не буду пускать Вас под дождь, чтобы не поблёкли Ваши ромашки. Я один буду ходить под дождь: смотрите, какой я большой! Подо мной хватит места не только двоим, но и четверым, если каждый возьмёт соседей под руки. Я буду держать Вас в чехле – красивом чехле с ромашками. И только очень редко стану открывать чехол, чтобы полюбоваться Вами.

– Нет-нет, – протестовал Пёстрый Зонтик, – это я буду ходить под дождь! Вас нужно беречь: ведь таких, как Вы, нет больше.

Они говорили – и, часто-часто ударяясь об пол, с них капали слёзы.

– Всё мне тут намочили! – проворчал старенький гардеробщик, доставая из кармана клетчатый носовой платок и прикладывая его к глазам. Старенький гардеробщик всю жизнь проработал на вешалке: он хорошо понимал язык зонтиков.

Зонтики долго гуляли в тот день по улицам и строили планы. Внезапно они зацепились друг за друга – и...

– Вы куда? – вскрикнул Чёрный Зонтик и почувствовал укол спицы в самое сердце.

– Я не знаю! – пролепетал Пёстрый Зонтик и вывернулся наизнанку.

Хозяйка Пёстрого Зонтика что-то ещё сказала хозяину Чёрного – зонтики не слышали ни хозяйки, ни хозяина. Да

если бы и слышали – разве могут зонтики понимать человеческий язык! А если бы и понимали – разве могут зонтики разобраться в человеческой жизни!

– Вы найдёте меня? – издалека кричал Пёстрый Зонтик.

– Обязательно! – отчаянно хрипел Чёрный.

И, совсем уже потеряв его из виду, Пёстрый Зонтик, расталкивая другие пёстрые и чёрные зонтики и взлетая над ними, прозвенел на самой высокой и чистой ноте:

– Я напишу Вам письмо-о-о!

Большая Метель

Когда началась Большая Метель, то она стала всё замечать. Сперва Большая Метель дороги замела – и все принялись спрашивать друг у друга, куда им теперь идти, и отвечать друг другу, что Бог их знает, куда им теперь идти. Потом Большая Метель площади замела – даже не только сами площади, но и названия площадей, чтобы все забыли, кто в данный момент на площади имени кого находится, – и все сразу же забыли, кто в данный момент на площади имени кого находится, и спрашивали друг у друга: на площади имени кого мы в данный момент находимся, – и отвечали друг другу: да Бог нас знает, на площади имени кого...

Ещё Большая Метель все дома замела, все машины замела, все газеты и все журналы – и стало непонятно, какой журнал или какую газету мы держим теперь в руках – и что где написано, и кем. И всё, всё, всё Большая Метель замела...

А когда она всё, всё, всё замела, то сама себе сказала:

– Значит, так... что бы мне такое ещё замести, чего я пока не замела и что, стало быть, надо немедленно замести?

Но ничего такого, что надо немедленно замести, на первый взгляд не обнаружилось: всё было замечено полностью. Зато на второй уже взгляд взяло и обнаружилось: обнаружилось Совершенно Бесстрашное одно Письмо. Оно летело высоко над землёй. Оно летело по назначению.

– Вот так так! – опять сказала сама себе Большая Метель. – Мне казалось, что я всё уже замела, а тут Совершенно Бесстрашное Письмо летит, видите ли, по назначению!

И Большая Метель спросила:

– Вы что же, Совершенно Бесстрашное Письмо, с ума сошли – лететь по назначению, когда такое творится?

– А что, собственно, творится? – с поразительным спокойствием поинтересовалось Совершенно Бесстрашное Письмо, продолжая лететь по назначению.

– Ну как... – даже растерялась Большая Метель. – Оглянитесь вокруг: всё ведь замечено – разве Вы не видите?

– Не вижу, – призналось Совершенно Бесстрашное Письмо и объяснилось: – Я не смотрю по сторонам. Я именно что лечу по назначению и не отвлекаюсь.

– А Вы отвлекитесь! – как могла горячо посоветовала Большая Метель. – И тогда Вы увидите, что я всё вокруг замела: я дороги замела, и площади замела, и все дома замела, и все машины, и все журналы с газетами... и всё-всё-всё!

– Так не бывает, – даже не взглянув на Большую Метель, ответило Совершенно Бесстрашное Письмо. – Я могу, конечно, допустить, что Вы замели дороги и площади, и все дома замели, и все машины, и все журналы с газетами... Но это ещё не «всё-всё-всё»! «Всё-всё-всё» даже самая большая метель замести не может. – Тут Совершенно Бесстрашное Письмо виновато улыбнулось и извинилось за свою прямоту.

– Если Вы всё-таки хотя бы на мгновение отвлечётесь от Вашего занятия лететь по назначению, – проворчала Большая Метель, – то поверите мне. Я действительно всё замела – и нет ничего на свете, чего бы я не замела.

Но Совершенно Бесстрашное Письмо ответило:

– Может быть, Вы и правы: если бы я отвлеклось от своего занятия лететь по назначению, я бы поверило Вам. Но я не отвлекусь.

– Да что ж это у Вас за назначение такое? – воскликнула чуть ли не с яростью Большая Метель.

– У меня высокое назначение, – коротко объяснилось Совершенно Бесстрашное Письмо, совершенно не прекращая лететь по этому высокому своему назначению.

На некоторое время Большая Метель даже специально оцепенела: чтобы понять про высокое назначение. Но ведь понять такое довольно трудно, да и не каждому дано... в общем, Большая Метель в конце концов отказалась от своего намерения и подытожила:

– Хватит разговоров. Я начинаю замечать Вас, Совершенно Бесстрашное Письмо. Я всё замечаю – и для Вас одного не буду делать исключения.

И стала замечать.

Только Совершенно Бесстрашное Письмо летело себе как летело и даже не заметило, что Большая Метель его замечает: у него действительно не было времени смотреть по сторонам.

– Вы что же, не видите, Совершенно Бесстрашное Письмо, что я замечаю Вас?! – надрывалась Большая Метель.

– Не вижу! – давась снегом, откликалось Совершенно Бесстрашное Письмо. – Говорю же: я лечу по назначению и не отвлекаюсь.

Большая Метель от возмущения даже глаза к небу завела. И увидела звёзды – огромные ослепительные звёзды. Они горели так, словно не было на свете никакой Большой Метели... которая вообще-то на свете была!

– Почему они горят? – закричала Большая Метель. – Я ведь замела всё-всё-всё! И дороги, и площади, и машины, и журналы с газетами... – Она посмотрела Совершенно Бесстрашному Письму прямо в глаза и прошипела. Вы ещё скажите, что и у них, у этих звёзд, тоже высокое назначение!

– Я так и скажу: у них, у этих звёзд, тоже высокое назначение, – так и сказала Совершенно Бесстрашное Письмо, а уж кто как не оно знало толк в подобных вещах!..

Пешеходная Зебра, витавшая в облаках

До чего же всё-таки глупо называть меня зеброй!» – размышляла Пешеходная Зебра.

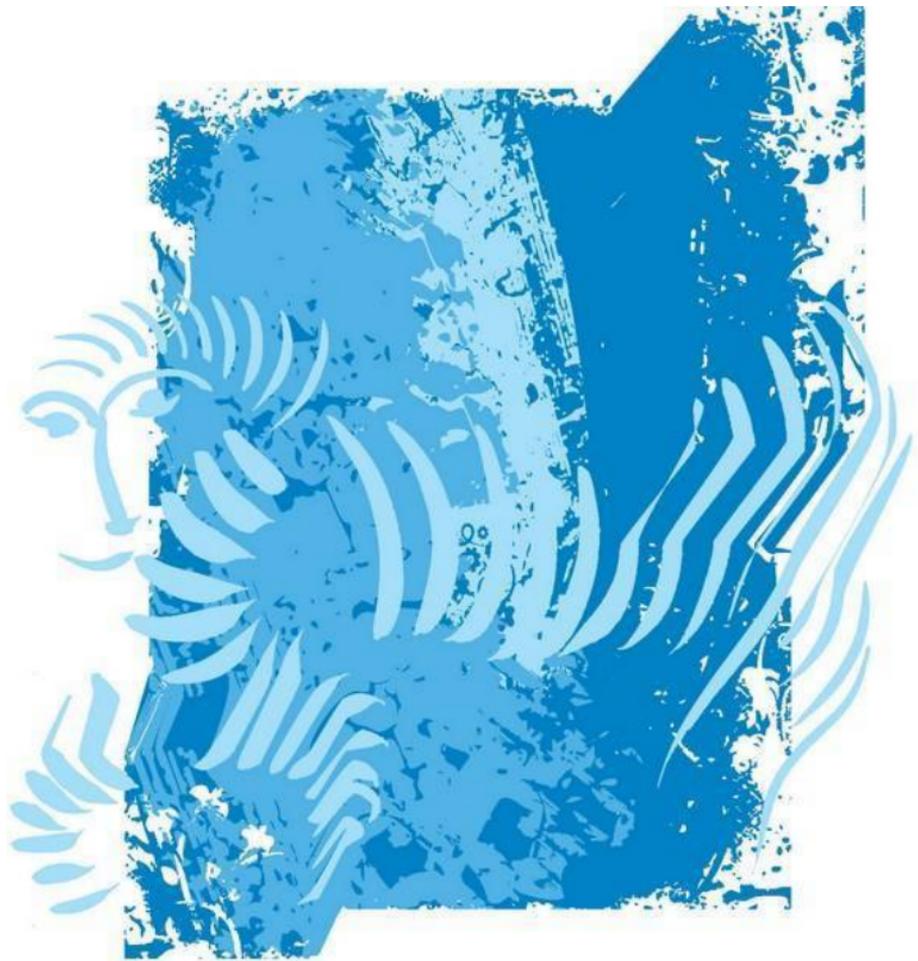
У неё, правда, имелись ещё и другие названия... непонятно только было, как ими пользоваться...

«Вот тоже... назовут – не подумают! Разве по зебрам ходят? Зебра – это животное такое полосатое... сильно напоминающее осла, – при чём тут оно? Ну и что же, что – полосы... Разве у одной только зебры полосы? У тетради в линейку тоже полосы. И у пианино тоже полосы – нет чтоб назвать меня «пешеходное пианино»!

А по ней всё шли и шли.

Денно и ночью.

Так оно, впрочем, и должно быть... если ты Пешеходная Зебра. Смешно ведь мечтать о другой какой-нибудь судьбе – лёжа на асфальте, да ещё в самом центре города – да ещё самого главного города в стране! Тут уж не замечаешься особенно – тут тебе каждую минуту напоминают, кто ты такая и для чего существуешь.

Ты Пешеходная Зебра.

И по тебе ходят.

Кто-то рождается для того, чтобы им украшали, кто-то – чтобы им освещали, кто-то – чтобы на нём играли. А кто-

то рождается для того, чтобы по нему ходили... Вот и Пешеходная Зебра родилась для того, чтобы по ней ходили. Другой судьбы, значит, Бог не дал. Хотя, конечно... «Вон тому без конца подмигивающему господину наверху повезло гораздо больше, чем мне: он называется «Светофор», и у него есть три огонька – красный, жёлтый и зелёный, и он ими подмигивает всё время. А как его слушаются! Сменит огонёк – все замирают, ещё раз сменит – все суетиться начинают, а уж в третий раз сменит – все срываются с места, только их и видели...» – с горечью размышляла Пешеходная Зебра. И наконец осмелилась спросить:

– Господин Светофор, Вы довольны своей жизнью?

– Ещё бы! – воскликнул тот.

Доволен, значит. Оно и понятно...

«А вот если бы меня назвали “Пешеходное Пианино”...»

Ночью всё-таки можно было хоть немножко помечтать. Если бы её назвали «Пешеходное Пианино» – всё в её жизни было бы не так. Она проводила бы время в обществе композиторов, музыкантов, певцов, и на ней, может быть, играли бы вальсы... Или марши: наступят на белую дорожку – тон, наступят на тёмную – полутон... И так, из тонов и полутонов, складывалась бы музыка...

Хотя... музыка-то, конечно, у неё едва ли получится, музыку ногами не играют – ее руками играют: музыка – штука нежная, даже и марши.

Пешеходная Зебра усмехнулась в темноте, представив се-

бе топочущих по ней пешеходов в тяжёлых ботинках... Хороша музыка, нечего сказать! Танец слонов на водопое... Кто бежит, кто медлит, кто на месте стоит, а кто шаг вперёд делает – и тут же назад! Нет, такой музыки никому, конечно, не надо. Мало ли что её полоски напоминают клавиши! Они только ей самой клавиши напоминают, а другие о таких вещах даже и не задумываются: просто ступают на Пешеходную Зебру – и вперёд... само собой, если господин Светофор разрешит!

Правда, особенно Бога гневить не стоит... у других судьба ещё хуже!

Взять, например, хоть воон тот люк на мостовой. Лежит себе, бедный, среди дороги – и какую-то непонятную дырку собою закрывает! Машины прямо по нему едут – и не замечают: есть он, нет его – всё равно. То-то он иногда грохочет от возмущения – правда, негромко: бум-бум, бум-бум, бум-бум... обратите, значит, внимание! Да только – увы: никто внимания не обращает.

– А Вы, господин Люк, довольны ли своей судьбой?

– Доволен ли я? Да, в общем, доволен!

В общем, доволен, значит. Ну и молодец...

Впрочем, какой с него спрос? Что он, несчастный, вообще-то видел – пролежав свои сто лет на одном и том же месте! Наверное, и понятия не имеет, что в жизни есть музыка... Есть клавиши, по которым этак вот небрежно пробегает рука – и из-под руки возникают аккорды! Есть струны – и

едва их коснётся смычок, они начинают петь. Есть золотые трубы – они преобразуют воздух в божественные звуки: подуешь в такую трубу воздухом, а он по изгибам пойдёт, пойдёт, пойдёт – и рождается мелодия... Нет, люки о таких материях, конечно, не задумываются.

– Ещё как задумываются! – ответил Люк, и Пешеходная Зебра, опомнившись, поняла, что, кажется, давно размышляет вслух – тихой ночной порой, когда даже мысли особенно хорошо слышны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.